

На этот раз Си Бай Цю расслышал всё отчетливо, но остался в полном недоумении. Он послушно замер на месте, наблюдая, как Альфа, источающий мощное давление, стремительно приближается к нему. Четкие, звонкие шаги дорогих кожаных туфель по мраморному полу отдавались эхом прямо у него в сердце.

— ...Ч-что случилось? — заикаясь, спросил Бай Цю у мужчины, остановившегося прямо перед ним. Он лихорадочно начал перебирать в памяти события последних дней: он ведь вроде бы ничего не натворил? Или всё-таки натворил? Нет, вроде нет... А может, и да?

Си Бай Цю погрузился в состояние легкой паники.

Цзин Ян молчал. Он был на целую голову выше Бай Цю, и когда он склонился, нависнув над ним, ощущение подавленности стало почти физическим.

В гостиной воцарилась гробовая тишина, даже воздух, казалось, стал густым и вязким.

Красивый Альфа поднял руку, обхватив левое плечо Бай Цю, и приник лицом к его шее, глубоко вдыхая. Его разноцветные глаза — синий и зеленый — сузились до размеров булавочных уколов, придавая его облику пугающе нечеловеческий вид.

Бай Цю этого не видел, но чувствовал горячее дыхание на коже — щекотное и немного обжигающее.

— ...Османтус и сакэ... Гардения после дождя... — прошептал Цзин Ян. Он широкой ладонью отвел в сторону длинные черные пряди, лежавшие у Бай Цю на затылке, и не мигая уставился на его железу, словно проводя инспекцию.

Бай Цю, пребывая в полном замешательстве, приоткрыл рот:

— О чем ты...?

— Феромоны, — губы Цзин Яна коснулись самого кончика его уха, пальцы нежно легли на загривок. — От тебя пахнет чужими феромонами.

Бай Цю задумался. «Османтус и сакэ» — это должно быть от куртки Цзян Лююаня, которую он носил. А «гардения после дождя»... это, должно быть, феромон Бай Сиюя, с которым он столкнулся сегодня.

Он коротко объяснил всё Цзин Яну.

Из-за особенностей организма Бай Цю, хотя он и дифференцировался как Альфа, его железа не могла вырабатывать собственные феромоны; он мог лишь чувствовать их, но не распознавать. Именно поэтому он так легко впитывал чужие ароматы. Раньше это были лишь легкие шлейфы, которые выветривались за пару часов, но в этот раз куртка друга и физический контакт с Бай Си Юем сделали запах слишком концентрированным.

К тому же, приближался период восприимчивости Цзин Яна. Альфа в это время становится невыносимо чувствительным к чужакам, а его настроение — непредсказуемым.

— Мне это не нравится, — прошептал Цзин Ян, подушечками пальцев надавливая на железу на затылке Бай Цю. — Не подходи к ним так близко.

— ...Хорошо, сегодня просто вышло случайно, — от этого прикосновения у Бай Цю по коже

пробежали мурашки, словно слабый электрический разряд пронзил всё тело, заставляя нервные окончания вибрировать.

В конце концов, железа — один из самых чувствительных органов любого Альфы или Омеги, созданный для получения физического удовольствия.

— Я буду осторожнее. А теперь давай поужинаем? Еда же сейчас — а! — Бай Цю не успел договорить.

Цзин Ян прикрыл глаза и с силой впился зубами в мягкую кожу на его шее. Он начал медленно перетирать её зубами, словно пытаясь заглушить и вытеснить чужеродный аромат своим собственным.

— Брат! Ты... прекрати! — придя в себя, Бай Цю попытался оттолкнуть его, но Альфа был слишком силен. Почувствовав острую боль, Бай Цю рассердился: — Что ты творишь!?

— Это наказание, — спокойно ответил Цзин Ян, глядя на выступившую каплю крови на белоснежной коже шеи.

— Я же сказал, что это был несчастный случай! — Бай Цю был в ярости, смешанной с долей комичности ситуации.

— Я знаю, — холодно бросил Цзин Ян.

— Если знаешь, то за что нака... — Бай Цю не успел договорить: Альфа подхватил его на руки, как маленького ребенка. От неожиданности Бай Цю инстинктивно обвил ногами его жилистую талию.

— Брат! — он вцепился в плечи мужчины, заглядывая в его темные, подавленные глаза, и внезапно осознал: у Цзин Яна начались ранние симптомы периода восприимчивости — инстинкт «строительства гнезда».

В этот момент все его возмущение и странные мысли вмиг улетучились.

Инстинкт «строительства гнезда» обычно проявляется за несколько дней до начала истинного периода восприимчивости. Это состояние наступает внезапно, длится недолго — от тридцати минут до двух часов — и в этот промежуток Альфа практически теряет ясность рассудка, действуя исключительно на инстинктах. Территориальность и собственничество обостряются до предела: в мире Альфы не существует ничего, кроме его партнера.

Си Бай Цю из-за «дефекта» своей железы, которая не вырабатывала феромоны, был лишен собственных периодов восприимчивости, а потому ему было сложно до конца прочувствовать ту степень тревоги и беспокойства, что терзала сейчас Цзин Яна.

Оказавшись на огромной кровати в спальне Цзин Яна, Бай Цю глубоко задумался, временно забыв даже о ноющей боли в шее. Честно говоря, подобная ситуация случалась не впервые, и каждый раз она вызывала у него лишь глухое раздражение. По сей день он не мог понять, почему друг детства относится к нему как к жене.

Есть же элементарная логика: он — Альфа, пусть и «дефектный», а союз двух Альф... ну, это же бесперспективно! Однако верно подмечено: если долго жить в одиночестве, то даже собака покажется красавицей. Может, его брат просто настолько изголодался, что его рассудок помутился и он перестал разбираться в людях...?

Цзин Ян молча снял свое черное военное пальто и набросил его на Бай Цю. Затем он принялся собирать вокруг него подушки и одеяла, выстраивая подобие баррикады. Этого показалось мало: Цзин Ян начал приносить из гардеробной горы других одеял, подушек и собственных вещей, слой за слоем возводя «гнездо».

По мере «строительства» Бай Цю чувствовал, как беспокойство Цзин Яна утихает, сменяясь умиротворением. Похоже, для него не было ничего прекраснее, чем видеть партнера, уютно устроившегося в сотворенном им коконе.

Бай Цю с отсутствующим видом сидел в самой глубокой точке мягкого «гнезда», смиренно позволяя брату творить что угодно. Он отрешенно думал, что ужин на столе, должно быть, уже остыл.

Наконец, Цзин Ян забрался в «гнездо» и одним решительным движением притянул Бай Цю к себе, так что тот тяжело рухнул ему на грудь. Даже сквозь два слоя тонкой ткани Бай Цю ощущал жар, исходящий от тела Альфы, отчего сердце в груди начинало биться в сбивчивом ритме.

Но насколько горячим было тело мужчины, настолько холодными ощущались его феромоны. Это был сложный аромат: сандал, кедр, смешанные с чем-то еще, напоминающим зимнюю стужу, опустившуюся на вечнозеленые хвойные леса.

Бай Цю смутно чувствовал, как феромоны Цзин Яна плотным коконом окутывают его. В сочетании с железной хваткой рук — одна на талии, другая на спине — это создавало пугающую иллюзию: казалось, Альфа хочет не просто прижать его к себе, а втереть в свою плоть, поглотить целиком, заставив утонуть в этих объятиях.

— Малыш Бай Цю... — хрипло прошептал Цзин Ян, тесно прижимаясь подбородком к его плечу. — Мой клад...

Бай Цю глубоко вздохнул, чувствуя, как по коже бегут мурашки. Он не осмеливался сказать что-то вроде «не называй меня так». В таком состоянии инстинкты охотника и контролера у Альфы были слишком сильны, а разум был подчинен звериному началу. Чем сильнее сопротивляешься, тем больше это подогревает интерес. Интерес самого разного толка, вплоть до того, что с него могут сорвать одежду, не особо разбираясь в приличиях.

Лучшая стратегия — лежать тихо и следовать всем его прихотям.

В воздухе, подрагивая от нетерпения, незримо сплетались феромонные щупальца. По своей природе они искали и жаждали захватить феромоны партнера. Но так как у Бай Цю их не было, беспокойство Цзин Яна начало возвращаться. В его сознании возникло искаженное, противоречивое восприятие: он решил, что партнер намеренно удерживает свои феромоны, не желая его утешить. Но при этом взгляд Бай Цю был таким нежным, а сам он в объятиях — таким послушным и милым.

Почему же он не дает свои феромоны? Альфы и Омеги одинаково отчаянно жаждут феромонов своей пары, а его партнер, казалось... совершенно его не жаждал.